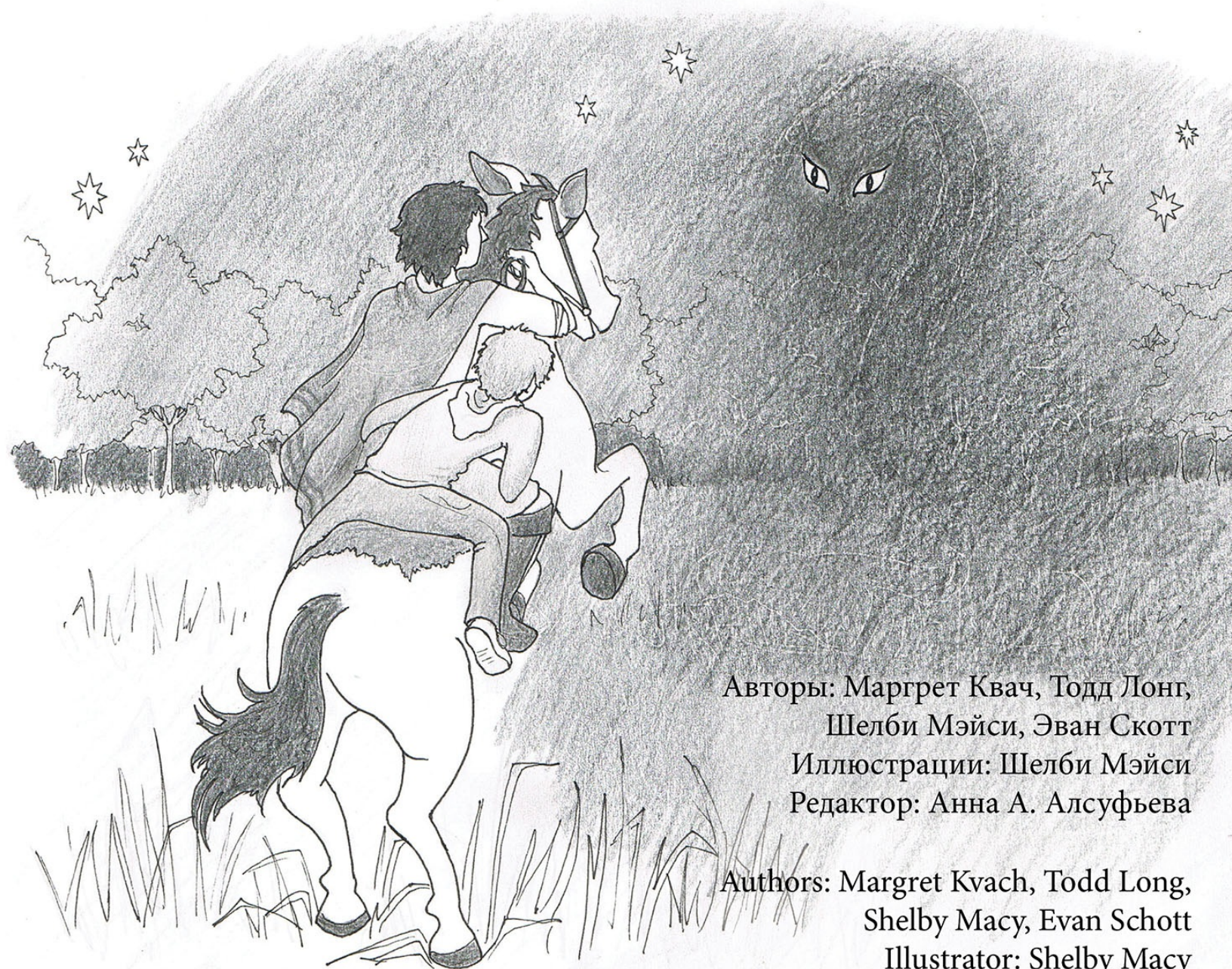

СКВОЗЬ СОН И ВРЕМЯ

фантастический рассказ

Through Dream and Time: A Fantasy

Авторы: Маргрет Квач, Тодд Лонг,
Шелби Мэйси, Эван Скотт
Иллюстрации: Шелби Мэйси
Редактор: Анна А. Алсуфьева

Authors: Margret Kvach, Todd Long,
Shelby Macy, Evan Schott
Illustrator: Shelby Macy
Editor: Anna A. Alsufieva

Table of Contents

1. СКВОЗЬ СОН И ВРЕМЯ
2. Acknowledgment
3. Предисловие для читателя
4. Николас Филипп Блум
5. О болоте и богатырях
6. “Люблю тебя, Петра творенье”
7. В распивочной
8. About the authors

СКВОЗЬ СОН И ВРЕМЯ

фантастический рассказ

Through Dream and Time

A Fantasy

Авторы: Маргрет Квач, Тодд Лонг, Шелби Мэйси, Эван Скотт

Иллюстрации: Шелби Мэйси

Редактор: Анна А. Алсуфьева

Authors: Margret Kvach, Todd Long, Shelby Macy, Evan Schott

Illustrator: Shelby Macy

Editor: Anna A. Alsufieva

PORTLAND STATE UNIVERSITY

The Russian Language Flagship

Ooligan Press

Acknowledgment

This project was a collaborative effort of the students and faculty of Portland State University's Russian Language Program.

Very special thanks to Prof. Amanda Gomm and her students for the time, patience, and creativity they dedicated to the formatting and layout of this book.

It is our hope that this book will be enjoyed by Russian language learners!

Предисловие для читателя

Авторы этой фантастической истории – выпускники Портлендского государственного университета, обучавшиеся в программе «Русский флагман» (The Russian Language Flagship). В 2013/2014 учебном году Тодд, Шелби и Эван учились в Санкт-Петербургском государственном университете. Уникальный, неповторимый характер Санкт-Петербурга, его фантастичность не могли оставить нас равнодушными. Сам город вдохновлял на творчество. И у нас появилась идея написать фантастический рассказ об американском студенте, попавшем в Санкт-Петербург. Мифы об основании Петербурга, факты из истории города, цитаты из произведений Пушкина и Достоевского, мотивы русских народных сказок переплетаются в нашем рассказе. Нам хотелось, чтобы рассказ был не просто веселым, развлекающим чтением, но и знакомил с историей и культурой города, вдохновлял на чтение русской классики. И еще мы хотели сказать: изучение русского языка – это увлекательное путешествие (порой непростое), во время которого могут происходить чудеса, никогда не знаешь, что ожидает впереди.

Наш рассказ для всех, кто знает, изучает и любит русский язык, но, прежде всего, для студентов, которые изучают русский язык на втором и третьем курсах в колледже или университете, потому что именно тогда начинается настоящее погружение в мир русской культуры.

Желаем приятного чтения и фантастических снов на русском языке!

Маргрет Квач, Тодд Лонг, Шелби Мэйси и Эван Скотт

Николас Филипп Блум

В городе Портленде, в штате Орегоне, жил-был студент по имени Николас Филипп Блум. Николас был очень интеллигентным молодым человеком. Он увлекался историей, литературой, любил поэзию. Но его самой большой мечтой было научиться говорить по-русски. В университете он поступил в программу “Русский флагман”¹ и с тех пор был постоянно погружён в работу: проза Достоевского, русская грамматика, научный стиль речи, стихотворения Пушкина, история Санкт-Петербурга, фольклор, советские агитационные плакаты, современная Россия – всё было интересно Николасу.

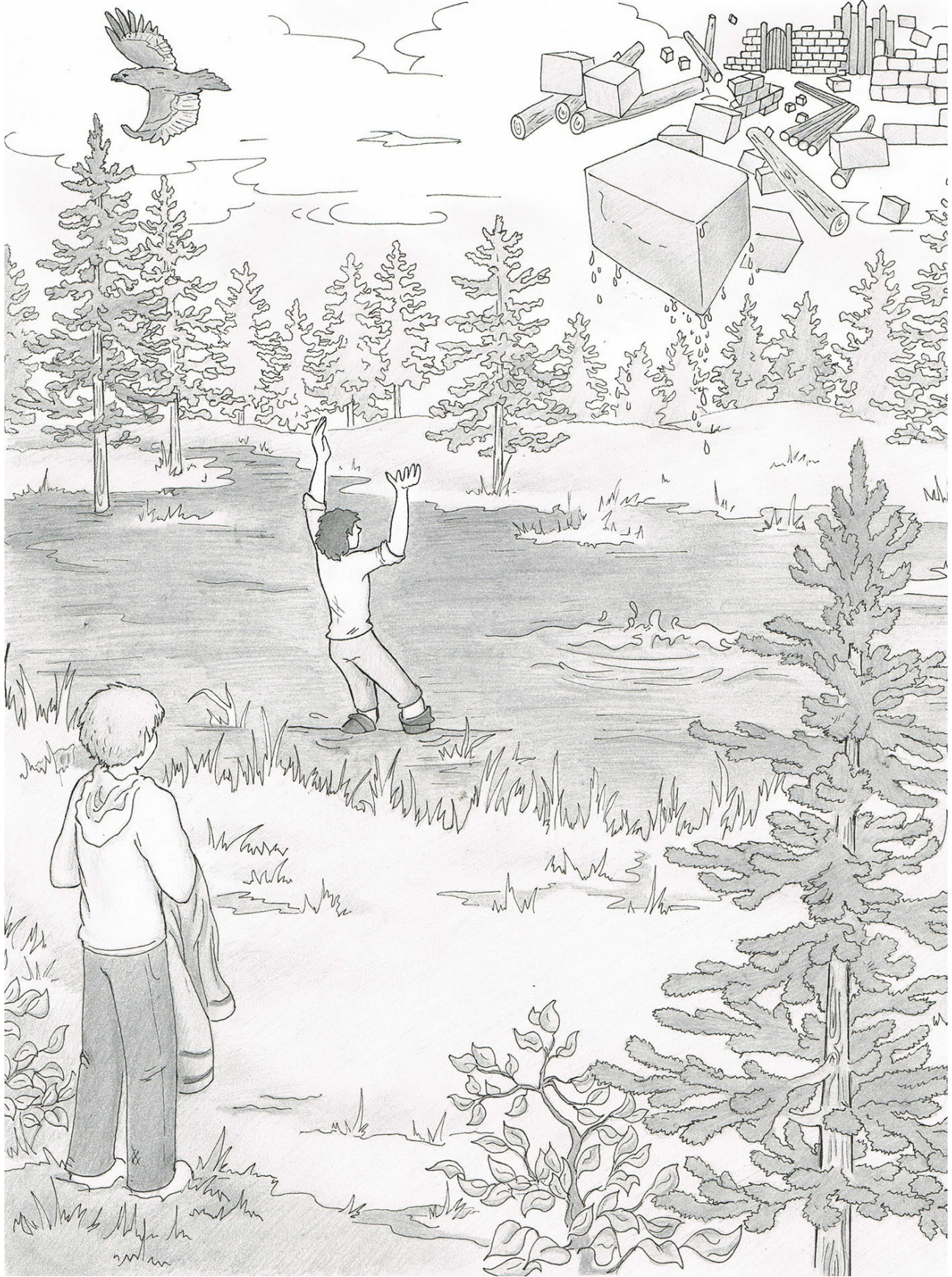
В один прекрасный день, точнее вечер, Николас сидел на пятом этаже библиотеки университета и готовился к экзамену на тему “Санкт-Петербург”. Было ровно 8 часов вечера, а экзамен был на следующее утро – ровно в 8 часов утра. Николас решил, что всю ночь он посвятит подготовке к экзамену: он не ляжет спать, пока не перечитает все нужные для экзамена материалы. Итак, Николас сделал большой глоток горячего черного кофе и приступил к своим делам.

“Так, где же я остановился? – пробормотал Николас. – Ах, вот задание для экзамена: “Будьте

готовы ответить на вопросы, касающиеся следующих тем: основание Санкт-Петербурга, писатели и поэты, описывающие Санкт-Петербург, важные исторические лица в истории Санкт-...”.

Николас положил перед собой лист с заданием. “Ага, – продолжал он рассуждать вслух, – значит, я должен знать всё об этом городе, в котором я никогда в жизни не был и о котором не имею никакого представления. Да-а-а, много работы предстоит. Ну ладно, закрою глаза буквально на пять минут, а потом начну читать все эти статьи и книги о Петербурге. Всего на пять минут, чтобы глаза отдохнули...”.

1. The Russian Language Flagship program (RLF). The RLF program is a part of “The Language Flagship” national project (it includes 27 Flagship programs in the U.S.), the purpose of which is to help Americans achieve advanced proficiency in the target language and use these language skills in their chosen profession.

О болоте и богатырях

Я стоял на берегу какого-то унылого болота. Недалеко, справа от меня, текла широкая река, над которой поднимался тонкий холодный туман. Тусклый свет осеннего солнца пробивался сквозь тучи, солнечные лучи не давали никакого тепла.

Передо мной, утопая по колена в бурой болотной грязи, двигались люди. Огромная толпа угрюмых, замученных людей. Одни тащили на плечах крупные серые камни, другие – длинные бревна. Я стал внимательно наблюдать за этими несчастными, стараясь понять, что же они делают. Казалось, что люди пытались что-то построить. Но весь их труд был напрасным: как только человек опускал свою ношу на поверхность болотной трясины, болото глотало камень или бревно целиком. Так оно жадно съедало всё, что на нем тщетно пытались возвести, камень за камнем, бревно за бревном.

Боже мой! Куда же я попал? Я сделал невольный шаг назад и почти споткнулся о каменную плиту, вросшую в сырую землю. На плите свежевысеченная надпись: “От воплощения Иисуса Христа 1703 года мая 16 основан царствующий град² Санкт-Петербург великим государем, царем и великим князем Петром Алексеевичем”. Не веря своим глазам, я моргнул и прочитал ещё раз. Неужели я в России? Неужели это проклятое чистилище³ постройка Санкт-Петербурга, “северной столицы” Российской Империи?

Вдруг появился всадник на красивом боевом коне. Я сразу узнал благородное, но суровое лицо великого царя Петра Первого. Мне стало как-то не по себе, глядя на, судя по всему, совершенно живого человека, который ушёл из жизни почти триста лет назад. Пётр соскочил с коня. Меня поразили его удивительный рост. Царь был выше даже среднего баскетболиста. Люди на болоте подняли свои усталые головы, чтобы посмотреть на приехавшего великана.

Царь обвёл взглядом болото. Нет ещё его города. В глазах Петра читалось явное, почти яростное нетерпение. Он нахмурил свои чёрные брови и внимательно осмотрелся вокруг. Его суровый взгляд остановился на мне: “Эй, парень! – крикнул он с раздражением. – Ты что там бездельничаешь? Подойди-ка сюда!” У меня сердце ушло в пятки⁴. Чего он хочет от меня?

“На, держи!” – сказал царь и протянул мне своё гигантское пальто. Затем, засучив рукава

простой рубашки, он повернулся к людям на болоте и крикнул с досадой: “Ничего вы не умеете делать!” И с этими словами двинулся прямо в болотную трясиину. Пройдя несколько метров, царь остановился и поднял свой взгляд к небу. Грязь стояла по голенища его высоких сапог. Того, что случилось дальше, я не забуду никогда.

Пётр медленно поднял пустые, дрожащие от напряжения руки, и прямо перед ним громадный камень сам по себе начал подниматься из болотной воды. Мокрый камень медленно поднимался вверх. Поднявшись до вершин окружающих болото деревьев, камень остался висеть там в воздухе. Царь повторил движение, и ещё один камень поднялся. Потом ещё один. И ещё один, пока на небе не собралось великое множество строительных камней. Люди от испуга побежали с болота и скрылись в лесу. Я заметил, как орёл, увлечённым зрелищем, начал парить в воздухе над царём.

Плавно размахивая руками, подобно дирижёру перед оркестром, Пётр управлял висящими в воздухе камнями, создавал из них стройные ряды и композиции. Сначала появились стены, потом дома, улицы, башни. Так он выстроил целый город на небе и широким торжественным взмахом руки опустил его на землю. С усталой удовлетворенной улыбкой бросил он вызов болоту: “Ну-ка, давай, глотай целый город!” Город стоял на месте. Болото сдалось.

Вдруг что-то неожиданно надавило на меня сверху так, что я чуть не упал. Боль пронзила моё правое плечо. К моему великому удивлению, тот орёл, которого я раньше заметил в небе, теперь сидел на моём правом плече. Кажется, царь тоже был удивлён. Он смотрел на меня с явным интересом. Тем временем орёл спокойно чистил клювом свои перья.

После некоторой паузы царь обратился ко мне более мягким тоном: “Знаешь ли ты, что орёл – посланец Бога?”. Я ничего не сказал в ответ, а просто глупо смотрел на Петра большими испуганными глазами. “Это доброе предзнаменование⁵”, – негромко произнёс царь, задумчиво глядя на птицу. Орёл игриво клюнул моё ухо, я вскрикнул от боли.

Царь свистнул, и к нему подошёл его красивый конь. Высокий мужчина с легкостью вскочил на коня, потом протянул мне руку.

– Давай, поедem вместе.

– Куда? – я заикался.

– Вперёд! На поиски приключений!

“На поиски чего?.. Ну, какой у меня выбор?” – подумал я. Ведь я с моим посланным от Бога

орлом, кажется, стал талисманом царя. Я нерешительно шагнул к великому всаднику. В этот момент конь заржал в ужасе и подпрыгнул вверх на целый метр. Я шарахнулся в сторону, чтобы не попасть под копыта испуганного животного, и увидел небольшую змею, скользившую в траве, прямо там, где стоял конь. Опустившись на землю, конь начал брыкаться, топтать копытами и ржать так, как будто у него загорелся хвост. За несколько секунд он втоптал бедную змею в землю.

Я вопросительно посмотрел на царя. “Конь не любит змей”, – объяснил он просто. Я не был уверен, хочу ли садиться на такого взбесившегося⁶ коня. Но всё-таки принял руку царя и сел позади него на звериную шкуру, которая служила седлом. Орёл улетел с моего плеча, и мы отправились быстрой рысью к берегу реки.

– А где наша дорога? – громко крикнул я Петру.

– Там. На другой стороне реки.

Я не понял. Перед нами текла широкая, мощная река (“Наверно, Нева”, – подумал я); моста не было. Конь уже нёсся галопом. Неужели мы..?

“Всё Божье и моё!” – закричал царь во весь голос и, к моему ужасу, конь оттолкнулся от берега реки. Затаив дыхание, я закрыл глаза в ожидании резкого столкновения с полузамёрзшей водой. Но чудо из чудес, мы в реку не упали. Наш конь летел. Через несколько секунд мы приземлились на противоположном берегу. Полёт закончился так же красиво, как начался, и конь беззаботно отправился вперёд в лес, как будто давно привык перепрыгивать реки.

Лес был светлым, красивым, хорошо пахнущим. Вокруг нас падали желтеющие листья, и мы ехали по золотой дороге. Моё настроение сразу же поднялось. Однако минут через двадцать наш легкий путь кончился, мы подъехали к развилке: дорога разделилась на три узкие дорожки, ведущие непонятно куда. На пересечении этих дорожек лежал белый камень с загадочной надписью: “Кто вправо поедет – тому убитым быть, кто влево поедет – тому богатым стать, а кто прямо поедет – тому женатым быть”.

Мы, разумеется, поехали вправо. “На что мне богатство? Я же царь, – объяснил мне Пётр. – Да на что мне жениться? – продолжал он. – Там в краю далёком, – указал он пальцем на восток, – есть у меня жена⁷. Вторая мне не нужна. Поеду-ка я по той дорожке, где убитому быть. Умру в чистом поле, как славный богатырь!”. Итак, мы продолжали путь дальше в лес в поисках богатырской смерти.

Мы ехали долго. Иногда в небе сквозь листья и ветви деревьев я видел моего орла, он следовал за нами. Его присутствие почему-то успокаивало меня. Время шло, и в лесу стало темнеть. Слава богу, разбойников не было. Чудовищ, призраков или любых других страшных существ, желающих нас убить, тоже не было.

Наконец, мы выехали из леса – перед нами раскинулось широкое тёмное поле. Луна сияла в ясном, синем небе, освещая наш путь. Мой орёл парил молча над нами. Я был рад, что он не потерял нас, когда мы были в лесу. Царь начал петь тихим низким голосом:

“...Ночкой тёмной тихо пойдём,

Мы пойдём с конём по полю вдвоём...”⁸.

Меня поразили полное спокойствие и красота этого места. Мы как будто впали в сон. Я вдруг почувствовал, что устал, мне захотелось спать.

Но спать мне не было дано. Как только я закрыл глаза, конь начал нервно топтать копытами. Я тоже начал испытывать какой-то необъяснимый страх и стал вглядываться в темноту. Вдруг раздался злой нечеловеческий смех, от которого застыла кровь в моих жилах, и впереди нас появился огромный змей⁹, как будто из кошмара. Чудовище громко зашипело: “Ах-ха, приехал великий цццарь! Сснаете, что выбрали? Ссссмерть! Ссмерть вы выбрали! Теперь готофьтессь умереть!”.

Царь спокойно смотрел на своего извивающегося противника. Я удивился, что Пётр не показал никакого страха. Он даже не тянулся за мечом. “Держись крепче! – вдруг он предупредил меня шепотом. – Конь не любит змеев”. Прежде чем я успел понять значение этих слов, ночная тишина была прервана диким ржанием коня, и взбешённое животное пустилось вперед безумным галопом навстречу змею.

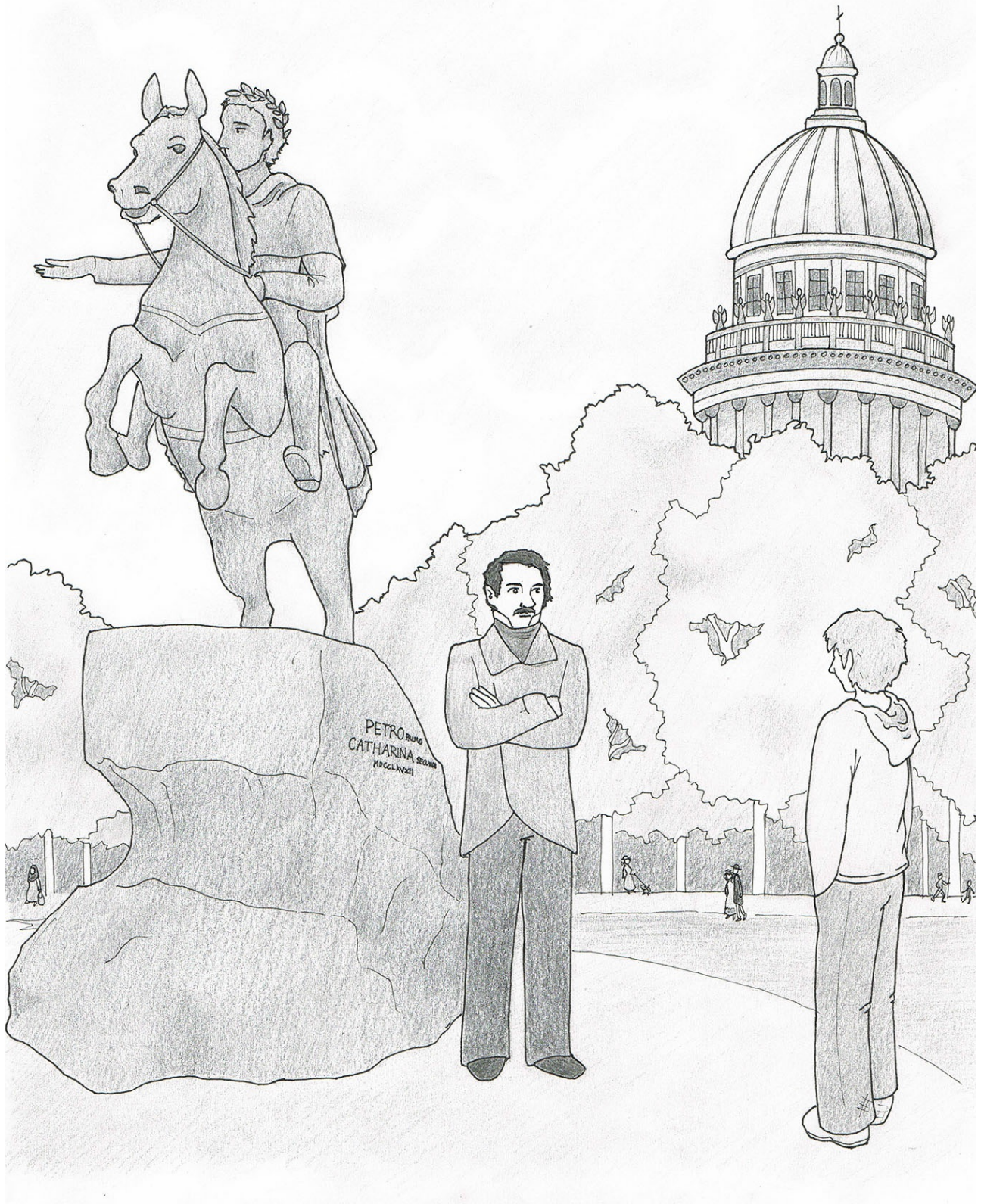
Я чуть не слетел с коня, когда мы столкнулись с немало удивлённым чудовищем. Мне было почти жаль змея. Конь яростно брыкался, лягался и ржал так громко и так дико, что у меня начали болеть уши. “Только бы остаться в живых, только бы остаться в живых”, – повторял я. После нескольких минут жестокого избиения змея, там где раньше возвышалось ужасное чудовище, остался только большой змеевидный шнурок¹⁰, покрытый следами подков коня и местами втоптаный в землю.

Посмотрев немного на этот шнурок, Петр засмеялся: “Ну, убит не был! Значит, нужно вернуться в лес к камню – поправить надпись”. Я тоже засмеялся. Ничего себе, мы победили! Мы богатыри! Мой орёл стремительно взлетел в ночное небо над нами и резко

пикировал вниз с высоким и радостным криком. Конь поднялся на дыбы¹¹. Царь громко и с гордостью крикнул: “Всё моё и Божье!”

И Петр с конём окаменели.

2. град – Old Slavonic, means “город”.
3. чистилище – purgatory; here in figurative meaning.
4. У меня сердце в пятки ушло (lit. “my heart sank to my heels”) – Мне стало очень страшно.
5. предзнаменование – omen.
6. взбесившийся (от слова “бес”, demon) – to become enraged, rabid.
7. The quote “Там в краю далеком есть у меня жена” is from the famous Russian folk song “Миленький ты мой”.
8. Passage from the song “Конь”. Although the song was written in 1994 (lyrics by Shaganov, music by Matvienko), it was taken up by the popular choir of Moscow Sretensky monastery and came to be considered an original folk song.
9. змей (не змея!) – mythical serpent, dragon.
10. шнурок – shoelace.
11. подняться на дыбы (о коне) – to rear up on its hind legs.

“Люблю тебя, Петра творенье”

Поражённый, я неподвижно стоял перед царём, глядя на каменное лицо Великого Петра, как будто оно в любой момент могло повернуться ко мне. Моя грудь стеснилась. Как долго я там стоял, не знаю. Что было вокруг меня, я не примечал, моё внимание сосредоточилось на Медном всаднике¹². Через некоторое время я услышал торжественный голос позади меня:

*И прямо в тёмной вышине
Над ограждённою скалою
Кумир с простёртою рукою
Сидел на бронзовом коне¹³.*

Просыпаясь, как будто ото сна, я вздрогнул и произнёс вслух: “Я видел его, живым он был!”

– Что за вздор! – смеясь, сказал мужчина, стоявший недалеко от меня.

Я посмотрел на него.

– На призрак¹⁴ смотришь, – с улыбкой продолжал незнакомец. – А как тебя зовут? Евгений, что ли?

– Нет, – сказал я, смутившись, и замолчал.

“Какой Евгений¹⁵? Онегин?” – подумал я, вспомнив поэтический роман Пушкина, который я недавно пытался прочитать.

– Из поэмы “Медный всадник”! Не помнишь? Ах, как наш герой, ты, наверно, тоже сошёл с ума, – усмехнулся мужчина.

Вдруг я обратил внимание на говорящего: как он был одет! Панталоны, фрак, жилет... Затем я заметил отсутствие шума машин. Оглядываясь, я старался понять, куда же я попал.

Городской пейзаж был знаком: Нева, Адмиралтейство, Исаакиевский собор, Петропавловская крепость. Всё было видно с того места, где я стоял перед Медным всадником. Но вместо машин по улицам двигались кареты, запряжённые лошадьми, и люди в странных костюмах гуляли по скверу.

Мужчина вновь обратился ко мне:

– Давай познакомимся, мой любопытный друг. Я... ну вот, мы же друзья, как будет правильно по-твоему? Я Ваня Пушин. И ты уже познакомился с моим другом, Петром Первым...

– Пушкин? – прервал я. Я вспомнил известный портрет поэта, но этот человек был совсем не похож на изображение на портрете.

– Да нет, молодой человек! Давайте сначала. Меня зовут Иван Иванович ПУШИН¹⁶. Кстати, Александр Сергеевич был очень дорогим другом моим, – добавил он меланхолично. – “Мой первый друг, мой друг бесценный” называл он меня.

Я пытался связать лишь два слова: “был”, “называл”.

– “Был”? Значит, он умер? – осторожно сказал я вслух, а про себя подумал: “Ну, конечно! Он умер”.

– О, боже мой! Да, он скончался. Уже давно. Был смертельно ранен на дуэли. Ты откуда, малыш? Не говори!.. Из Америки, конечно. И ты ничего не знаешь о Пушкине?

Я вспомнил несколько фактов, которые узнал в университете.

– Он поэт, писатель. Душа России, – не совсем уверенно пробормотал я.

– Вот именно! – прервал меня Иван Иванович.

– Но мне надо признаться, что я мало знаю о Пушкине. Кажется, я раз читал часть романа “Евгений Онегин”. И, может быть, что-то ещё. Извините, что я Вас не сразу узнал, но, честно говоря, я знаю больше о Вас, чем о Пушкине. Вы были декабристом¹⁷?

– Верно! – Пушин удивился. – Интересно, ты американский студент, говоришь по-русски, знаешь о декабристах, а не читаешь Пушкина? Почему?

Я задумался, как бы ответить на этот вопрос.

– Ну, я интересуюсь политикой. Особенно отношениями между Америкой и Россией. Я читал о восстании декабристов. Но литература – это не для меня.

Иван Иванович засмеялся.

– Друг мой, ты литературу просто не понимаешь! Литература – это источник политического мышления! Литература рождает революционную идеологию! А ты не знаешь, что Ленин зачитывался Пушкиным? Считается, что слова Пушкина были основой...

Я удивился:

– Подождите! Откуда Вы знаете Ленина?

Улыбаясь, он сказал:

– Я же тебе сказал, что ты смотришь на призрак! Не случайно мы встретились здесь сегодня. Тебе не кажется странным, что я говорю так же, как ты? И тебе не интересно узнать, как ты сюда попал? Давай погуляем, и я расскажу тебе о Пушкине, литературе и революции!

Мы пошли по Александровскому саду, вдоль Невы, в сторону Адмиралтейства. Я взглянул через плечо на Медного Всадника, и мне показалось, что лицо Петра слегка повернулось ко мне. Моё сердце замерло, и я мгновенно отвернулся. Я оглядывался по сторонам. Несмотря на то, что я ни разу не был в Санкт-Петербурге, я представлял себе город немного по-другому.

Иван Иванович продекламировал:

*Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит¹⁸.*

– Это написал Пушкин об этом городе, который он любил, – сказал Иван Иванович.

После небольшой паузы Иван Иванович продолжал:

– Я считаю, что я спас своего друга. Пушкин часто обсуждал тему революции со мной, очень хотел участвовать в государственном перевороте. В то время я был членом тайного общества. И мы считали его нашим единомышленником¹⁹. Но я был против того, чтобы Пушкин стал членом нашего общества. Почему? Потому что я хотел больше всего сохранить Пушкина для России как поэта, уберечь от расправы. Он был осторожен, но все знали, что его слова были для нас как призыв к действию, зажгли у нас в сердце огонь свободы. Потом он написал оду “Вольность”²⁰. То есть свобода, понимаешь? Царь Александр I даже не понял сначала, о чем эта ода. Такой молодец Пушкин! Но за этот шедевр его наказали: ему было запрещено жить в столице, Санкт-Петербурге. Несколько лет он провел на Кавказе и в Крыму и потом еще два

года в селе Михайловском²¹. Слава богу, его не было здесь во время восстания.

Остановившись на набережной, Пущин смотрел на другой берег Невы, на Петропавловскую крепость. Справа от нас возвышался Зимний Дворец, но его взгляд был прикован к крепости. Он указал на каменные стены:

– Красива, внушительна, грозна она. Там были приговорены к смертной казни и повешены²² пятеро из нас, декабристов...

*Не достаивая взглядом
Твердыню власти роковой,
Он к крепости стал гордо задом:
Не плюй в колодец, милый мой²³.*

– Возможно, что Александр Сергеевич²⁴ был бы среди них, если бы он остался здесь в городе. Или со мной был бы осужден на каторгу²⁵ в Сибири, на тридцать лет. Слава богу, только семь лет городу его не хватало, и за это время ему удалось осветить мир своими произведениями, – задумчиво произнёс Иван Иванович.

Таким образом гуляя по городу, мы провели несколько часов. Мой необычный гид показал мне дом, где Пушкин написал оду “Вольность”. Потом мы сидели под деревом в Летнем саду. Иван Иванович рассказал мне много о Царскосельском лицее²⁶, о его дружбе с Пушкиным, о том, что Пушкин был активным участником интеллектуальной жизни лицея, как Саша (вот так Иван Иванович называл Пушкина, когда вспоминал о лицее) пережил свою первую любовь. Он рассказал мне и о приезде в Царское село великого поэта Державина, кто, без приветствия, спросил у лицейского швейцара: “Где, братец, здесь нужник²⁷?”. Мы смеялись. Продолжая рассказ о посещении Державиным Царского села, Иван Иванович рассказал и о том, как Саша очень волновался выступить – читать свои стихи – перед Державиным.

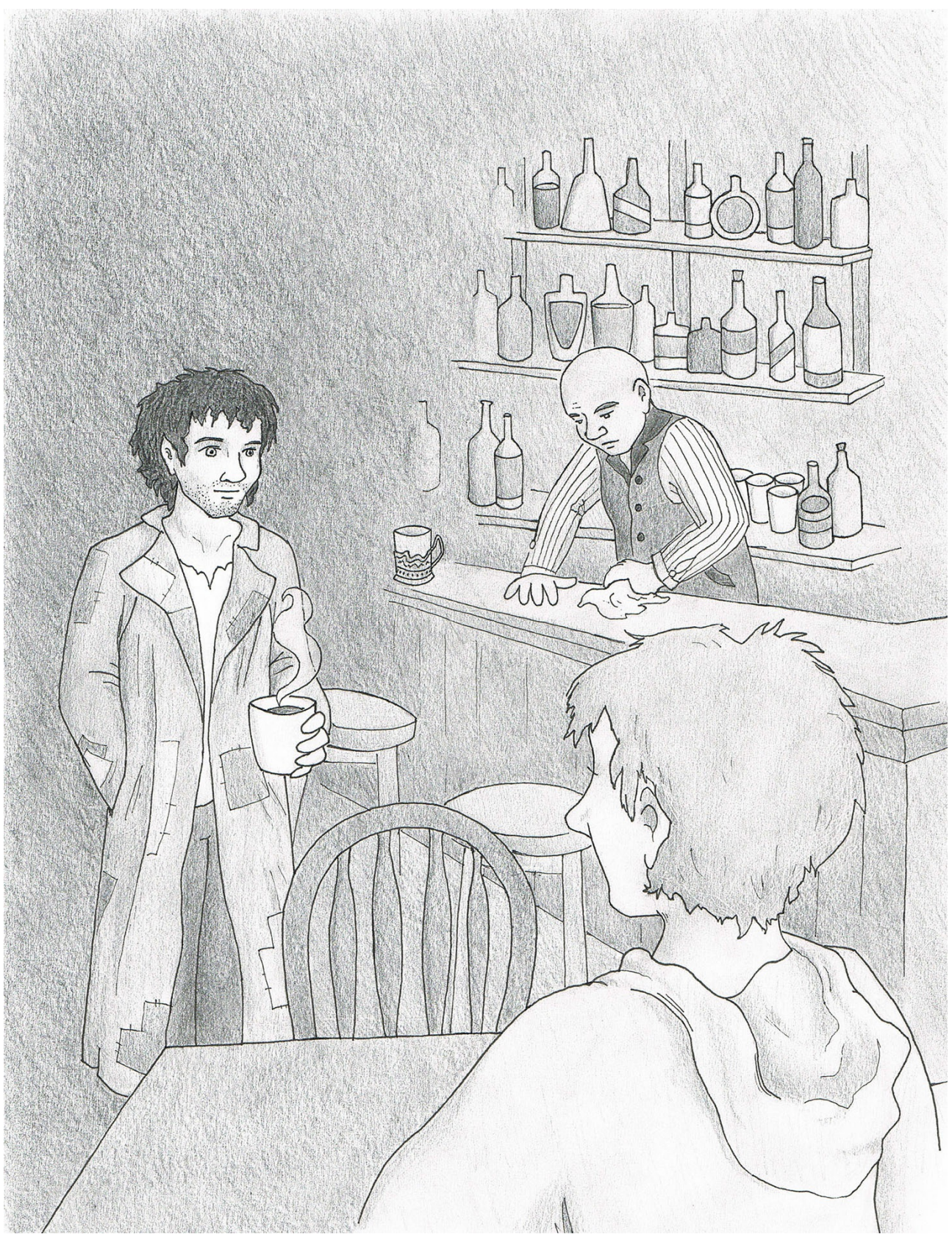
Уже был полдень, ярко светило солнце. Мне было приятно сидеть в тени дерева и с закрытыми глазами слушать голос Ивана Ивановича. Я пытался представить картину, которую он описывал: огромный красивый парк, Царскосельский дворец, лицей. Как птица, я летел, глядя с высоты на всё. Внутри лицея я видел винтовую лестницу, потом, на втором этаже, зал полон студентов, преподавателей и других гостей, прибывших на экзамен. Я видел Пушкина, – одет в мундир синего цвета с красным воротником, в белых панталонах и ботфортах, – стоящего перед всеми, вдохновенно читающего стихи.

И вот мне уже кажется, что это я стою на месте Пушкина, смотрю на лица моих друзей и

учителей. Я (то есть Пушкин) замолкаю, обвожу зал взглядом. Державин сидит в первом ряду за столом вместе с разными важными гостями. Вокруг красиво одетые мужчины и женщины. Где-то стоят мои лучшие друзья Дельвиг, Кюхельбекер, Малиновский и – вон там – Пущин. Когда я увидел круглое лицо молодого Ивана Ивановича, я вдруг поймал себя на мысли, что ведь это именно он рассказывает мне эту историю.

Воздух вокруг меня как будто стал гуще. Веки мои начали тяжелеть, глаза закрылись, и я не заметил, как заснул.

12. Медный всадник (lit. The Copper Horseman)– statue of Peter the Great in St. Petersburg and the name of a poem by Pushkin (The Bronze Horseman: A Petersburg Tale).
13. Passage from the poem The Bronze Horseman (“Медный всадник”).
14. призрак – ghost.
15. Play on names: the main character of Pushkin’s poem “Медный всадник” and his novel in verse “Евгений Онегин” is named Евгений (Eugene).
16. Иван Иванович Пущин (1798–1859) – classmate at Tsarskoye Selo Lyceum and lifelong friend of Alexandr Sergeevich Pushkin.
17. Декабристы (Decembrists) – radical political group opposed to the monarchy, so named after the uprising in December 1825 resulting in the trial of 289 Decembrists, the execution of 5 of them, and the exile of many to Siberia.
18. Famous passage from Pushkin’s poem “Медный всадник”.
19. единомышленник – like-minded person.
20. Ode To Liberty (ода “Вольность”, 1817) was the inspiration for many opposition groups in Russia up through the revolution of 1917.
21. Pushkin was in exile from 1820 to 1826. First, he went to the Caucasus and the Crimea, then to Chişinău. From 1824 to 1826 he lived on his mother’s rural estate of Mikhailovskoe.
22. были приговорены к смертной казни и повешены – sentenced to death and hanged.
23. Quote from Pushkin’s epigram written as a response to the artist who made the first illustrations for the novel “Евгений Онегин”.
24. Сергеич – colloquial version of the whole patronymic name Сергеевич.
25. каторга – hard labor, in Russia usually in Siberia.
26. Царскосельский лицей – Tsarskoye Selo Lyceum (1811–1843) also known as the Imperial Alexander Lyceum after its founder Tsar Alexander I. Lyceum is located in Tsarskoe Selo, now the town of Pushkin (suburb of Saint Petersburg).
27. нужник – toilet.

В распивочной

Сначала всё было чёрным. Первое, что я почувствовал, – ощущение тяжести, будто груды тяжелых кирпичей навалилась на меня сверху. Я не мог двинуть ни руками, ни ногами. Прошло какое-то время, мрак вокруг меня не рассеялся, по-прежнему всё было чёрным, но я не паниковал; просто не хватало сил на панику. Я только хотел спать и просто лежал где-то, где было темно и неприятно, где-то между явью и сном. А потом вдруг появился какой-то странный запах, как будто смешали сырую рыбу, стоячую воду и опилки²⁸ – такая ужасная смесь. Этот тяжёлый запах, настоящая вонь, буквально свалился на меня сверху. Я больше не мог спать; я начал просыпаться. Мне хотелось убежать от этого запаха. Открыв глаза, я увидел, что ничего не лежит на мне, что никаких кирпичей нет. Кирпичи, сложенные в стены, возвышались слева и справа от меня. Я понял, что лежу на земле в проходе между какими-то зданиями. Над собой высоко в небе я увидел первые признаки приближающегося рассвета. Небо начало светлеть. Который час? Как долго я лежу здесь? Мне очень хотелось убежать от этого ужасного запаха. Встав, я побрёл, спотыкаясь²⁹, по узкому проходу, туда, где, мне казалось, должна была быть улица.

Я не ошибся, проход вывел меня на довольно широкую улицу. Кирпичные стены домов, бульжная мостовая³⁰, уличные фонари. Я медленно побрёл по улице, сам не зная куда. Впереди, шатаясь, ковылял какой-то странный тип. Никого, кроме нас, на улице не было. Становилось светлее; явно, наступал рассвет, но всё равно улица оставалась пустой. Что это за город, где никто не встаёт на рассвете? Который час? Пора же вставать! Стало совсем светло, а вокруг по-прежнему было пустынно. И я, наконец-то, понял, что это не утро, а – ночь. Да, рассвет ночью! Я знаю, где это! Это же Петербург летом! Это же белые ночи, когда, как там у Пушкина, “одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса”³¹!

Я всё ещё чувствовал ужасную тяжесть в теле. Кружилась и болела голова. “М-м-м-..., – почти простонал я. – Почему так болит голова? Как же я здесь оказался? Ничего не помню”. Хотелось крепкого, горячего чая. Да, чай, он поможет! Пошатываясь, я направился к близлежащему бару (или *распивочной*, кажется, так говорили герои классических петербургских романов), спустился по лестнице вниз и открыл дверь.

В распивочной было темно и душно. Слышался звон моющейся посуды. За прилавком стоял невысокий полный мужчина с полотенцем на плече, наверно, хозяин распивочной. Я

старался идти прямо и твёрдо, но, не дойдя до прилавка³², упал на стул, стоявший на моем пути; придвинувшись к столу, я сжал свою голову руками; она болела, болела и кружилась.

– Чего вы хотите, молодой человек? – безличным тоном спросил мужчина с полотенцем на плече, стоя надо мной.

– Чая, – ответил я. – Чай, пожалуйста!

– Хорошо, – сказал он.

Я слышал, как что-то звякнуло о прилавок. Послышался звук наливаемой жидкости.

– Который час? – почти прокричал я, продолжая сжимать руками голову.

– 2:30, – получил я краткий ответ.

Мне принесли стакан чая.

Я поглядел на чёрный чай в стакане и начал пить маленькими глотками.

– Я тоже хочу чая, – вдруг сказал мужской голос рядом со мной.

Я поднял глаза. Напротив, у другой стороны моего стола, стоял молодой человек. Он *был замечательно хорош собою, с прекрасными тёмными глазами, темно-рус, ростом выше среднего, тонок и строен*³³. Однако у него на лице была многодневная щетина³⁴, и одет он был ужасно плохо – в какие-то жалкие лохмотья³⁵. Он смотрел на меня так, как будто мы были давно знакомы.

– Дима, ты? – обратился ко мне красивый молодой человек.

– Кто? – удивился я.

– Дмитрий? Дмитрий Разумихин? – спросил парень меня еще раз.

– Нет, – ответил я. – Вы ошибаетесь.

– Ой, извините, – сказал красавец. – Вы очень похожи на моего друга, Разумихина.

Этот молодой человек показался мне немного подозрительным, но я так устал, что не хватало сил на беспокойство.

– А вы не против, если я буду пить чай с вами? – спросил парень.

– Нет. Давай, – ответил я.

Чай подействовал, и мне стало лучше.

Парень сел напротив меня. Хозяин поставил перед ним стакан с чаем.

– Ну, как тебя зовут? – спросил я.

– Раскольников, – ответил молодой человек. – Родион Романович³⁶.

– Давай перейдём на ты, – предложил я и отхлебнул немного чая.

– Ладно, – согласился Раскольников. – Тогда ты можешь звать меня Родя.

– Родя, хорошо, – сказал я. – Меня зовут Николас Блум. Очень приятно. Ты студент?

– Был, но больше нет, – ответил Раскольников. – Я был вынужден бросить университет. Не хватало средств.

– Очень жаль, – сказал я. – В моём родном городе тоже случается, что студенты бросают университет из-за денег.

– А где это, твой родной город? – спросил Раскольников.

– В Америке, на реке Колумбия, – ответил я. – Город называется Портленд.

– В Америке? – с интересом воскликнул Раскольников. – Значит, ты здесь в Петербурге на каникулах, что ли?

– Нет, не совсем, – ответил я.

– Очень интересно! – продолжал Раскольников. – Раньше сегодня... нет, вчера уже... я думал о том, чтобы поехать в Америку. Ты студент там, да?

– Да, – ответил я.

– И в твоём университете есть ..., – Раскольников сделал небольшую паузу, – иностранные студенты?

– Да, – кивнул я.

– Хммм..., – задумался Раскольников.

- Ты что, Родя, хочешь учиться со мной в Портленде?
- А сколько это стоит учиться в Америке, будучи иностранцем?
- Ну, ты знаешь языки? Ты говоришь по-английски?
- Немного... Я знаю немецкий язык... Наверно, английский язык не будет очень трудным.
- Ну, если ты умён, если ты знаешь языки, если ты иностранец, тогда ты можешь получить стипендию. Но стипендии не хватает на всё – только на учёбу. Надо самому платить за еду, за жильё.
- Это не проблема. У меня есть способ, средства... Я найду остальные деньги...
- А твоя семья знает, что ты собираешься в Америку?
- Никто не знает об этом, кроме тебя.
- Ты что, просто внезапно покинешь свою семью?
- Я обуза³⁷ для них... Им будет лучше без меня...
- А твои друзья? Этот Разумихин? Что он будет думать, когда ты просто исчезнешь?
- А-а, Дима... Он хороший парень, но не на моём уровне.
- Ты умнее его, что ли?
- Я умнее многих... В твоей стране, в Америке, у самых умных людей есть власть и деньги, да?
- Нет, не всегда... Наша система сложная... Иногда случается, что власть и деньги появляются у совершенных идиотов...
- В таком случае кто-то должен отнять у них власть.
- Кто? Ты?! В Америке?!
- Почему нет?
- Но ты русский, иностранец!

- Ну и что? Француз Наполеон был иностранцем, когда он завоевал другие страны Европы...
- Ты что следующий Наполеон?
- Я этого не говорил. Когда ты возвращаешься в Америку?
- Почему ты хочешь это знать? Ты так торопишься туда?
- Может быть...
- Ты бежишь от кого-то? Кто-то здесь ищет тебя?
- Мне просто надоела Россия... и всё.

Здесь наш разговор остановился. Мы сидели молча и пили чай. Моё состояние улучшалось; голова перестала кружиться и болеть. Раскольников осматривал помещение, а я наблюдал за ним. Он казался чем-то очень встревожен: его глаза были широко открыты, он нервно двигал стакан по столу, несколько раз вздрогнул. Вдруг его лоб покрылся потом. Мне стало немного неловко.

- Родя, – спросил я, – всё в порядке? Ты выглядишь не очень хорошо.
- Да, нет, да, всё в порядке... Просто мне спать надо... Который час? – обратился к хозяину Раскольников.
- Без пяти три, – ответил хозяин из-за прилавка.
- Без пяти три... – медленно прошептал Раскольников. Он весь дрожал, лицо покрылось испариной.

Раскольников вытащил большой носовой платок из кармана пиджака и начал вытирать свой лоб. На краю платка я заметил пятна крови.

- Родя, – сказал я немного испугано, указывая пальцем на носовой платок, – там кровь, на краю твоего платка. Тебе плохо? Ты поранился?

Раскольников посмотрел на платок и быстро запихал³⁸ его обратно в карман, потом он молча допил свой чай.

- Ну, ладно, мне пора, – сказал Раскольников, как будто ничего не было. – Пойду к своей подруге, к Соне, посплю там. Домой не хочется.

– А ты не хочешь мой адрес? – спросил я. – Чтобы поговорить об Америке.

– Ах, да, конечно, – ответил Раскольников. – Запиши, пожалуйста.

Я полез в карман за ручкой, но ручки в кармане не оказалось.

– У вас есть ручка и бумага? – обратился я к хозяину распивочной.

– Ручка? – не понял тот.

– Ну, тогда карандаш хотя бы, – сказал я.

Хозяин подошёл к столу с карандашом и клочком жёлтой бумаги. Раскольников протянул ему деньги за чай – за свой и мой.

– Нет, не надо, – сказал я. – Я сам заплачу.

– Нет, я настаиваю на этом. Я заплачу, – сказал Раскольников. Я заметил, что он дрожал, и пот опять выступил у него на лбу.

– Спасибо, – сказал я.

Я взял карандаш и начал писать свой адрес. Вдруг Раскольников встал и быстро пошёл к выходу из распивочной.

– Родя, что с тобой? Тебе не нужен мой адрес?

Раскольников оглянулся, и я увидел на его лице выражение ужаса. Он смотрел мимо меня, куда-то в угол. Я повернул голову и увидел в тёмном углу двух полицейских, сидящих за столом. Они разговаривали с хозяином, наверно, заказывали что-то. Когда я посмотрел в сторону Раскольникова, он был уже наверху лестницы, ведущей на улицу. Я бросил карандаш и побежал за ним. Взлетев по ступенькам лестницы, я выбежал на улицу. Раскольникова нигде не было. Он исчез. Улица была пустой.

– Родя!?! – закричал я. – Родя!?!

Ответа не было. Где-то вдалеке залаяла собака. Было светло – слишком светло. Я поднял голову и посмотрел на небо. Мои глаза ослепил яркий свет.

– Родя!?! – крикнул я, не зная, что делать.

У меня снова начала кружиться голова. Я встал на колени и сжал свою голову руками.

– Заткнись!³⁹ – откуда-то донёлся до меня хриплый мужской голос.

Продолжая сжимать голову, я упал на спину на тротуар. Ничего не было видно, кроме белого неба, яркого света. Через несколько секунд небо стало темнеть... Становилось всё темнее, темнее и темнее... Всё темнее... А потом ничего...

Вдруг Николас почувствовал сильный аромат свежего кофе. Он открыл глаза и увидел за соседним с ним столом группу студентов, они что-то писали и тихо переговаривались между собой. “А что они здесь делают так поздно? – подумал Николас. – Раз пьют кофе на ночь, наверно, тоже готовятся к экзамену. Кстати, который час?”. Взглянув на часы, он увидел, что было 7:54 утра. “Не может быть! – громко вскрикнул Николас, вскочив на ноги. – Я что проспал всю ночь? А что меня не разбудили, когда закрывали на ночь библиотеку?”.

Студенты за соседним столом с удивлением смотрели на Николаса, который нервно брал в руки то одну, то другую книгу на столе. “Ой!.. Это же неделя экзаменов... библиотека открыта двадцать четыре часа в сутки! Боже мой, как я мог заснуть?!” – в отчаянии произнёс Николас. Теперь он окончательно проснулся. Николас взял свой рюкзак и начал складывать туда книги: “Евгений Онегин” Пушкина, “Преступление и наказание” Достоевского, “История культуры Санкт-Петербурга с основания до наших дней” Волкова⁴⁰, тома энциклопедии “Три века Санкт-Петербурга”. “Я даже не успел прочитать всё, что хотел. Эх!..” – с досадой пробормотал он.

Пока Николас бежал на экзамен, он пытался вспомнить всё, что только мог, о Санкт-Петербурге. Но, увы, ничего конкретного в голову не приходило. Николас был настолько взволнован, что войдя в аудиторию, в которой проходил экзамен, даже не поздоровался с преподавателем. Он подошёл к столу с экзаменационными билетами и, не глядя, взял первый попавшийся билет. Сев за свободный стол, Николас не знал, что ему делать.

“Что ж, придётся провалить экзамен. Зато я, наконец-то, выспался”, – грустно усмехнувшись, подумал Николас. Однако когда он прочитал первый вопрос, произошло что-то удивительное. Первый вопрос звучал так: “Кто и когда основал город Санкт-Петербург?”. “Да Пётр Первый, конечно! – про себя воскликнул Николас. – Я сам видел своими глазами, как именно он это делал. Боже мой! Откуда я знаком с Петром Первым?! Неужели... я с ним познакомился во сне? Да и с Иваном Ивановичем Пущиным, другом Пушкина, и с Родионом Раскольниковым я тоже знаком! Неужели я с ними общался во сне?” – с изумлением думал Николас. Так вспоминая свои сны о строительстве Петербурга, о прогулках по городу с

Пушиным, о встрече с Раскольниковым, Николас ответил на все вопросы и сдал экзамен на “отлично”.

Когда преподаватель курса по истории и культуре Санкт-Петербурга, Марфа Павловна Гончарова прочитала ответы Николаса, она была крайне удивлена. Откуда этот молодой человек может знать такие тонкие детали и подробности из истории Петербурга и биографий людей, связанных с этим городом? На следующий день Марфа Павловна пригласила к себе в кабинет Николаса, чтобы поговорить с ним об его удивительных ответах.

– Здравствуйте, Марфа Павловна! Вы хотели со мной поговорить? – сказал Николас, входя в кабинет преподавательницы.

– Да, мистер Блум. Присаживайтесь, пожалуйста. Не могли бы вы мне объяснить, откуда вы узнали, что Пушкин был другом и лицейским однокурсником великого поэта Пушкина? Ведь я не требовала, чтобы студенты знали такие детали из жизни Пушкина. И все другие ваши ответы на экзамене также содержат информацию, которую знают только специалисты и историки. Откуда вы всё это узнали? – произнесла Марфа Павловна, прямо смотря Николасу в глаза.

Николас не знал, как ответить. Он подумал про себя: “Если я ей расскажу, что я видел всё это во сне и познакомился со всеми во сне, тогда она меня отправит в психбольницу. Так что же ей сказать?!”.

– Марфа Павловна, я просто очень интересуюсь историей и литературой, поэтому я прочитал много книг про Санкт-Петербург и знаю много об этом городе, – был ответ Николаса.

– Мистер Блум, тогда вы просто гений! Вас нужно отправить в аспирантуру, в докторантуру, в институт, к специалистам и историкам! Сейчас же позвоню своим знакомым в Гарварде и скажу, что рекомендую им ещё одного великого специалиста по истории Санкт-Петербурга! – с искренним воодушевлением сказала Марфа Павловна.

– Нет, Марфа Павловна! Я вас прошу, не надо никуда звонить! Я не специалист! – с испугом закричал Николас.

– Ваша скромность вас украшает, мистер Блум, – ответила Марфа Павловна, уже начав набирать номер телефона Отдела докторантуры в Гарварде. – Алло? Привет Даниил! Я звоню по поводу моего студента-специалиста! Его зовут Николас Филипп Блум, и он

ГЕНИЙ! Я хочу порекомендовать его вам, он идеально подходит для вашей программы...

Пока Марфа Павловна говорила по телефону, Николас тихо вышел из её кабинета и пустился бежать – прочь отсюда, на улицу.

“Что я наделал?! Когда они узнают, что я не специалист, я должен буду рассказать им всю правду! Но вдруг они мне не поверят? Тогда что?! Что же мне делать? – в ужасе думал Николас, бегом спускаясь по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. – Мне нужно уехать отсюда! Куда-то очень, очень далеко, где меня не найдут. Ах, я знаю! Я поеду в Россию, в Санкт-Петербург! Там меня точно разыскивать не будут!”.

Николас решил отправиться в Петербург сию же минуту. Не откладывая, он купил билет на самолет. Прилетев в Петербург, Николас сразу заметил, насколько город изменился. Всё выглядело совсем иначе, не так, как в его снах. Люди фотографируются с другими людьми, одетыми в костюмы эпохи Петра Первого. Везде на старинных петербургских зданиях висят неоновые вывески и рекламные щиты⁴¹ – к тому же с текстом на английском! Как странно. Всё вокруг шумит, движется, гудят машины, раздаются автомобильные сигналы, – но молодёжь ничего не слышит: все в наушниках смотрят в свои смартфоны. Как они могут дышать этой гарью от машин и терпеть ужасный запах сигарет?! Каждый второй человек курит! Всё это вообще не похоже на Петербург прежних времен.

Пока Николас стоял с раскрытым ртом и смотрел на происходящее вокруг него, к нему подошел какой-то молодой человек и весело спросил:

– Саша!.. Саша – это ты?!

Николас посмотрел на подошедшего парня и негромко сказал:

– Меня зовут Николас.

– Ой, извините! Я жду своего друга, мы должны были встретиться здесь.

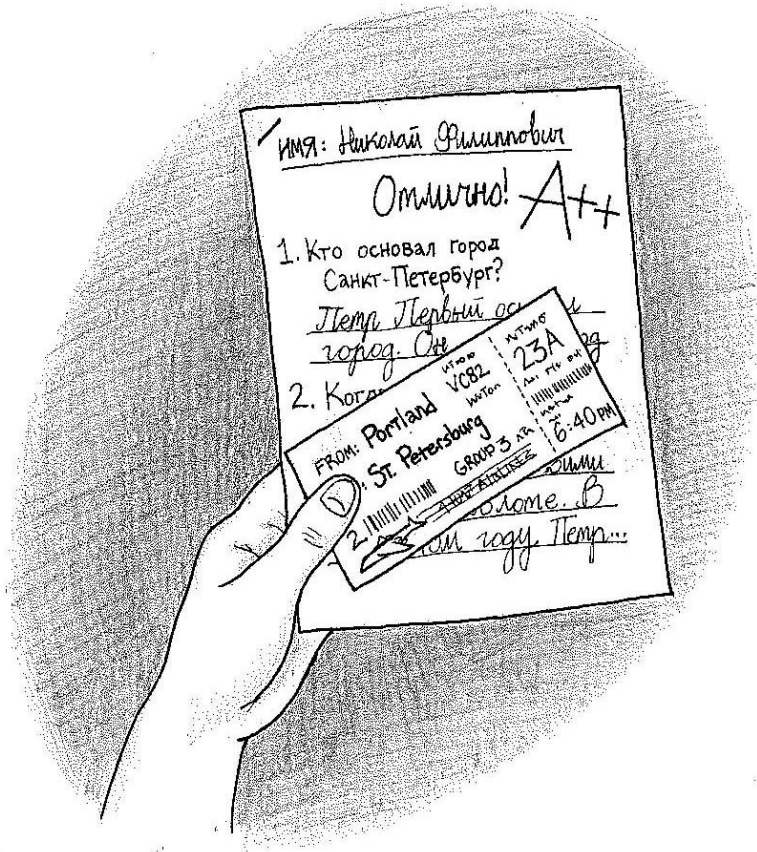
– Нет проблем! Меня часто путают с другими, – ответил Николас, вспоминая сколько раз его путали с другими людьми и даже литературными персонажами.

– Как тебя зовут? – спросил Николас.

– Иван, но все называют меня Пушин, – с улыбкой сказал парень. – Извини за мою ошибку. Я должен найти Сашу. Удачи тебе!

И Путин пошёл дальше по улице.

“Путин? – подумал Николас. – И его друга зовут Саша? Неужели это всё мне сейчас снится?!”.

28. опилки – sawdust.
29. спотыкаться – to trip, stumble.
30. булыжная мостовая – cobblestone pavement.
31. Line from Pushkin’s poem “Медный всадник”.
32. прилавок – bar.
33. Quote from Dostoevsky’s novel Crime and Punishment (“Преступление и наказание”). Famous description of the main character.
34. щетина – stubble.
35. лохмотья – rags.
36. Родион Романович Раскольников – the main character of Dostoevsky’s novel “Преступление и наказание”.
37. обуза – burden.
38. запихать – to stuff something (into something else).
39. Заткнись! – “Shut up!”.
40. St. Petersburg: A Cultural History (NY, 1995) by Solomon Volkov, a Russian and American journalist and musicologist.
41. рекламный щит – billboard.

About the authors:

Shelby Macy, author of the 1st chapter and illustrator

Shelby graduated from the Russian Flagship Program at Portland State University in 2015 with a dual BA in Applied Linguistics and Russian. She completed the 2012 Critical Language Scholarship Program at the KORA Russian Language Center in Vladimir, Russia. In 2013, she returned to Russia to complete an academic year of intensive linguistic and cultural studies at the Flagship Overseas Center at St. Petersburg State University. During her time in Petersburg, Shelby interned at the Jewish charity center “Hesed Avraam.”

Evan Schott, author of the 2nd chapter

Evan Schott is a Computer Science major and a student of the Russian Flagship Program at Portland State University. He completed the Overseas Russian Flagship Program in St. Petersburg during the 2013-2014 academic year, and was awarded the Boren Scholarship and Gilman Scholarship to support his study abroad. Additionally, Evan was awarded the Critical Languages Scholarship in 2011 for his summer study abroad in Vladimir, Russia. He plans to graduate in 2015 with a B.S. in Computer Science and a B.A. in Russian.

Todd Long, author of the 3rd chapter

Todd Long is a composer, arranger, conductor, singer, guitarist, music technology specialist, musicologist and creative writer. He was born in southeastern Washington state, grew up in Portland, Oregon, did his undergraduate music studies at the University of Southern California in Los Angeles, returned to Portland and then did his graduate studies in music and Russian language and literature at Portland State University, graduating in 2014. He hopes to compose music, write about music and write poetry and fiction for a living.

Margret (Margo) Kvach, inventor of Nicolas Philipp Blum, author of the foreword and afterword

Margo began her Russian studies in her home as a heritage speaker in Portland, Oregon. She graduated Portland State University in June 2014 with a B.A. in Russian and a Certificate of

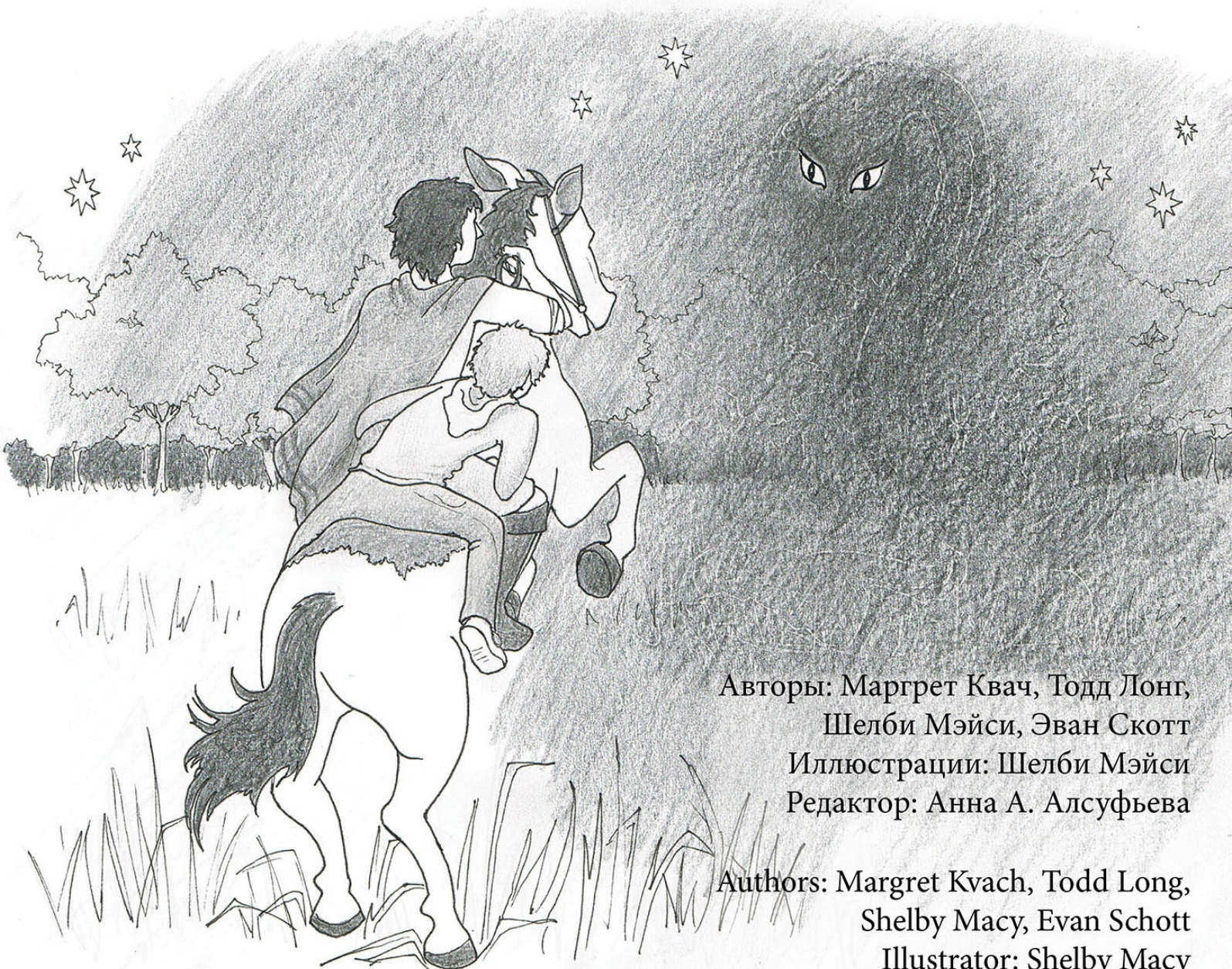
Advanced Proficiency, as well as a Minor in Spanish. She plans to pursue a career in law and work for the U.S. federal government.

СКВОЗЬ СОН И ВРЕМЯ

фантастический рассказ

Through Dream and Time: A Fantasy

Авторы: Маргрет Квач, Тодд Лонг,
Шелби Мэйси, Эван Скотт
Иллюстрации: Шелби Мэйси
Редактор: Анна А. Алсуфьева

Authors: Margret Kvach, Todd Long,
Shelby Macy, Evan Schott
Illustrator: Shelby Macy
Editor: Anna A. Alsufieva